

УДК 008: 821.161.1.09

Е.Г. Серебрякова

СТРАТЕГИЯ ВЛАСТИ И А. ГИНЗБУРГА В «ДЕЛЕ СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ»

Анализируется стратегия власти и А. Гинзбурга в «Белой книге по делу Синявского и Даниэля». Цель работы – выявить специфику советского неконформистского сознания и оценить механизм формирования диссидентской модели поведения. Исследователь показывает связь книги Гинзбурга с записью суда над Бродским, составленной Фридой Вигдоровой. Автор изучает жанровые основы книги Гинзбурга, выявляет динамику писательской стратегии и приходит к выводу: работа Гинзбурга продиктована потребностью защитить писателей Синявского и Даниэля от судебного преследования. В ходе работы над книгой авторская стратегия менялась. В первой части книги Гинзбург акцентирует мысль о негативном международном резонансе суда. В последней части он утверждает необходимость пересмотреть результаты суда. «Белая книга по делу Синявского и Даниэля» внесла значительный вклад в формирование советского диссидентского движения.

Ключевые слова: диссидентское движение, неконформисты, стратегия власти.

Знаковым явлением советской общественной жизни 1960-х годов стали судебные процессы над литераторами: Иосифом Бродским (1964 г.), Андреем Синявским и Юлием Даниэлем (1966 г.), что объясняется особой ролью художественной интеллигенции в процессе демократизации общества, провозглашенном XX и XXII съездами партии. Действительно, «оттепельные» тенденции проявлялись в художественной культуре раньше, чем в общественной жизни. Роль творческой интеллигенции, и в первую очередь художников слова, была чрезвычайной. Неудивительно поэтому, что и репрессивные меры, вызванные страхом власти перед усиливающимися в обществе неконформистскими настроениями, первыми ощутили на себе писатели.

Суд над Синявским и Даниэлем явился логичным продолжением «дела Бродского», закончившегося двумя годами ранее пересмотром приговора поэту. Тактику защиты осуждённого тогда определила Фрида Вигдорова, составившая стенограмму процесса – главный аргумент в защитных акциях. Журналистка показала либеральной общественности модель личного и гражданского поведения, признанную сообществом неконформистов эффективной:

1. Зафиксировать судебный процесс, предать гласности материалы суда для мобилизации единомышленников в деле защиты осуждённых.
2. Апеллировать к власти, ссылаясь на нарушения закона в ходе процесса;
3. Привлекать самые широкие круги общественности, как внутри страны, так и за рубежом, для давления на власть.

Как известно, эта тактика в случае Бродского возымела действие: решение суда было пересмотрено, и вместо пяти лет поэт провёл в ссылке год и 8 месяцев. При этом приговор не был отменён, клеймо «тунеядца» (обвинение суда) с поэта не было снято. Власть якобы поступила гуманно и в то же время «сохранила лицо»: не признала себя виновной в ошибочно вынесенном приговоре. Однако сам факт пересмотра решения суда был оценён властью как политическое поражение. Новое дело, получившее на международной арене широкий резонанс, нельзя было провалить, а потому был предпринят ряд мер:

1. В отличие от административного дела Бродского, Синявского и Даниэля судили по уголовной статье (Ст. 70 УК РСФСР – антисоветская агитация и пропаганда, распространение антисоветской литературы). Следовательно, велось следствие. Авторитетные профессионалы (В. Г. Костомаров, Е. И. Прохоров, А. Л. Дымшиц во главе с академиком В. В. Виноградовым) провели экспертизу: признали антисоветский характер произведений литераторов и подтвердили правомочность предъявленных им обвинений.

2. Следствие и ход суда контролировали высшие органы власти – Секретариат и Политбюро ЦК КПСС, включая Генерального секретаря Л. И. Брежнева. Суду был придан не локальный, а общероссийский характер, так как вёл процесс председатель Верховного Суда РСФСР Л. Н. Смирнов. Авторитет судьи должен был успокоить соотечественников в отношении возможной необъективности и продемонстрировать мировой общественности высокий профессионализм ведения процесса.

3. Суд должен был показать общественности полное соблюдение демократических и правовых норм. Председатель был подчеркнута корректен по отношению к подсудимым, не выгонял из зала стенографистов из числа родственников обвиняемых.

4. Суд сопровождался массовой кампанией в прессе по дискредитации «фигурантов дела»: обличительные статьи З. Кедринной «Наследники Смердякова» и Д. Еремина «Перевертыши», предварявшие процесс, сопровождалась публикациями отчётов «из зала суда», письмами «трудящихся и трудовой интеллигенции» с требованием сурово покарать «внутренних эмигрантов».

Современный исследователь, проанализировав письма-отклики, хранящиеся в трех архивах – «Нового мира», в деле группы писем ЦК ВЛКСМ и следственном деле Синявского и Даниэля, отмечает, что мнения их авторов распределились следующим образом: из 85 писем 47 носили осуждающий характер и 34 были письмами поддержки. Как видим, писем-осуждений было несколько больше [3. С. 204]. Это свидетельствует о неоднозначной оценке поступка писателей общественностью.

Интеллигенция тоже не была едина в поддержке их действий. Публикация за рубежом под псевдонимами идеологически спорных произведений, которые в условиях «холодной войны» могут быть использованы во вред стране, многими писателями расценивалась как безответственность и инфантилизм. Например, А. Твардовский считал Синявского достойным «презрения и остракизма» [5. С. 422]. В том же духе высказывались Р. Орлова и Л. Копелев: «Когда мы <...> узнавали, что кто-то из наших сограждан публикует свои произведения за границей в эмигрантских или буржуазных изданиях, это вызывало неприязнь, отчуждение» [4. С. 206]. Однако, не разделяя позиции писателей, либеральная общественность развернула ширококомасштабные действия по их защите. Действительно, петиционная кампания в защиту Синявского и Даниэля приняла массовый характер. «Подписантов» (это понятие вошло в общественный лексикон в ходе данного судебного дела) не останавливали весьма серьезные репрессии: увольнение с работы, исключение из комсомола и партии и проч.). Кроме того, впервые был апробирован метод проведения демонстрации протеста на Пушкинской площади, ставший впоследствии постоянным в тактике неконформистов.

Какие же мотивы руководили защитниками писателей, отнюдь не безоговорочно солидарными с их поведением? Один из них назвала в разговоре с Лидией Чуковской Анна Ахматова. В ответ на её недоумённый вопрос «стоит ли из-за таких пустяков идти на каторгу? (сочинения Терца показались ей художественно чрезвычайно слабыми. – Е.С.)» поэтесса ответила: «<...> Ах, при чём тут хорошая проза, плохая проза... Надо одно: чтобы эти люди не попали на каторгу» [6. С. 309]. Итак, первая причина гуманистическая – защита коллег от репрессий. Но была и другая, более существенная, сплотившая в едином порыве не только знакомых с писателями людей, а подчас и людей, не знавших друг друга, – убеждённая в неслучайности процесса, уверенность в реставрации сталинизма. Н. Воронель, жена А. Воронеля, друга литераторов, а на суде предполагаемого свидетеля защиты, спустя годы так характеризовала общее настроение: «... у нас было ощущение, что мы можем остановить этот процесс. Не только не пойти по этапу вслед за ними, но даже их самих вытащить. Мы вообразили, что если сумеем настоять, сумеем сплотить свою группу – учёных, интеллигентов, – то, может быть, наше противостояние остановит необратимое сползание к сталинизму. Мы были уверены, что начинается возврат к сталинизму» [2. С. 144]. Мемуаристка вскрыла главную движущую силу, определявшую движение защиты – страх рецидива сталинизма, пути развития страны, исторически бесперспективного, не имевшего нравственного оправдания. Внутренне примириться с возрождением сталинизма нельзя – так считали неконформисты. А значит, надо бороться с каждым конкретным случаем беззакония властей. Только так можно предотвратить возвращение худших в истории страны времен.

Эта убеждённая диктовала активную гражданскую позицию, не допускала мысли о возможном личном невмешательстве и определила действия Александра Гинзбурга. Гинзбург относился к молодому поколению неконформистов. В отличие от старших единомышленников (Копелева, Орловой, Чуковской, Вигдоровой и др.), сумевших состояться в профессии, ему социализироваться уже не дали: в 1960 г. за составление самиздатского журнала «Синтаксис» он был исключён с факультета журналистики МГУ, отбыл двухлетний срок наказания, в 1966 г. смог поступить на вечернее отделение Историко-архивного института, но был отчислен в 1967 г. за составление «Белой книги по делу Синявского и Даниэля» и получил новый срок заключения – 5 лет колонии строгого режима. Его участие в «деле Синявского и Даниэля» продолжает тактику Вигдоровой: составление материалов суда, предание их гласности, настойчивое разъяснение власти ошибочности судебного преследования литераторов – вот его путь противодействия репрессиям и возрождавшемуся сталинизму.

В основе текста Гинзбурга лежат две жанровые модели – судебная хроника и Белая книга. Автор соблюдает базовые конструктивные элементы жанра судебной хроники: процесс осмыслен как явление социально значимое, показательное в нравственно-этическом и правовом отношении. Время линейное – события разворачиваются в хронологической последовательности. Повествование носит экстенсивный характер: изображение расширяется от зала судебного заседания до масштабов страны. Запись преобладает над рассказом. Состязательный характер процесса представлен позицией противоборствующих сторон, что выражено в диалогической форме повествования. Автор находится позади событий, его точка зрения представлена в комментариях. Речи персонажей имеют самодовлеющее значение для характеристики героев.

При этом литератор внёс модификации в жанр судебной хроники, обогатив его за счёт Белой книги – жанра документальной публицистики, представляющего собой сборник документов, посвящённый одной социально-политической проблеме. Возникнув в XIX в., в XX Белая книга получила широкое распространение. В 1950-е годы Белые книги издают общественные организации ГДР и ФРГ. Ближайшим к Гинзбургу примером была Белая книга, составленная Венгерской Компартией по материалам событий 1956 года. В отличие от судебной хроники, где позиция автора выявлена в комментариях, автор Белой книги стремится к объективности и беспристрастности. Он только составитель сборника документов.

Жанр семантически значим: суд над литераторами видится Гинзбургу событием политической значимости, судьбоносным для страны. Кроме того, язык документов был адекватен духу уголовного процесса, позволял составителю вести повествование, оставаясь в правовом поле.

Композиция книги трёхчастная:

первая – материалы, относящиеся к периоду следствия (24 документа – возмущение мировой общественности и 15 – отзывы соотечественников; из них 10 – протесты, 5 – одобрения ареста);

вторая – документы, посвящённые судебному процессу (стенограмма суда и кампания в СМИ, письма трудящихся: 21 – «за» приговор, 12 – «против»);

третья – документы, относящиеся ко времени после процесса (12 протестов иностранных корреспондентов, 8 отечественных), в примечаниях содержатся отклики мировой и отечественной прессы на публикации о процессе. Замыкают сборник заметки о судьбе свидетелей защиты, активистов, инициировавших общественное движение по защите подсудимых. Это позволяет автору дать полную картину социальной действительности, представить суд как «микрокосм», в котором отражён «макркосм» советского общества, вскрыть специфику индивидуальной и массовой психологии, выявить типовые поведенческие модели.

Показательно, что составитель не включил в корпус текстов сами произведения, инкриминируемые Синявскому и Даниэлю в качестве антисоветских. Казалось бы, для объективной оценки творчества литераторов это необходимо. Однако купюры позволяют безошибочно определить главного адресата книги – власть, к ней обращал свой голос Гинзбург, от неё ждал пересмотра вынесенного приговора, а потому и не мог опубликовать тексты, признанные уголовным судом антисоветскими.

«Белая книга по делу Синявского и Даниэля» имеет посвящение Фриде Вигдоровой, что указывает на неразрывную связь двух процессов, отсылает к записи суда над Бродским как к тексту-посреднику, определяющему нравственно-этический характер восприятия данного суда, задаёт читателю систему нравственных координат в оценке произошедшего, диктует поведенческую парадигму по защите литераторов – действовать так же решительно и сплочённо, как и в деле Бродского.

Основные аргументы защиты обвиняемых, избранные Гинзбургом, повторяют доводы Вигдоровой: недопустимо судить литераторов за художественное творчество, идеологическая оценка книг искажает подлинный смысл писательской позиции. При этом Гинзбург избирает новую тактику – апеллировать к власти, ссылаясь на негативный международный резонанс процесса. Считая власть одним из основных адресатов текста, Гинзбург выражал типичную для защитников Синявского и Даниэля надежду на возможность смягчения приговора, то есть двигался по пути, проложенному Вигдоровой.

Однако обращение за поддержкой к мировому сообществу не предполагалось журналисткой изначально. Оно было найдено как дополнительный аргумент уже в ходе защитной кампании. В задачу Вигдоровой входил поиск объединяющих мотивов, способных сплотить неконформистские силы внутри страны. Она их нашла – память о коллективной травме, страх возобновления сталинских репрессий. Не допустить возвращения худших времён, по её мнению, могла только сама советская общественность. Запад в этих умопостроениях не учитывался. Её позиция – не только проявление

изоляция, в целом типичного для советских людей на рубеже 1950-1960-х годов, но и требование от современников нравственного поведения.

Гинзбург открыл книгу откликами мировой прессы на известие об аресте Синявского и Даниэля. 24 документа (статьи из газет, открытые письма и телеграммы в адрес членов советского правительства и руководителей союза писателей) семантически тождественны: мировая общественность взволнована арестом писателей. Количество должно было стать дополнительным аргументом: если писатели и журналисты различных стран повторяют одни и те же доводы защиты, к ним стоит прислушаться. Особый акцент сделан составителем на отзывах писателей-коммунистов – друзей Советского Союза, которых невозможно заподозрить в политической предвзятости. Так автор, составивший сборник после вынесения приговора, выявлял изначально ошибочность проведённого процесса.

В отношении к Западу Гинзбург демонстрировал большую открытость позиции, чем предшественница: общественность внутри страны может и должна опереться на мировое общественное мнение, поскольку с ним считается власть. Едва ли стоит оценивать эту точку зрения как прозападную. Гинзбургом двигали прагматические мотивы: он стремился убедить власть в нежелательных для страны политических последствиях уголовного преследования писателей. О распространённости такого мнения в интеллигентских кругах свидетельствует ряд документов «Белой книги»: письмо пяти граждан Л. И. Брежневу (написано после суда, помещено в 3-ю часть, авторы – Э. Ханпира, И. Мельчук, Ю. Апресян, Л. Булатова, Н. Еськов), письмо в «Известия» в связи со статьёй Ерёмкина, канд. физ-мат. наук В. И. Левина, интервью Л. Богораз (в статье она именуется г-жой Даниэль. – *Е.С.*) французской газете «Монд» от 20-21 февраля 1966 года, т. е. после вынесения приговора. В нём названы аргументы К. Паустовского, высказывавшего адвокату Синявского своё желание выступить на суде. Писатель предполагал говорить о пагубных последствиях репрессий в адрес творческой интеллигенции, напомнить кампанию травли Пастернака и заявить, что уголовное преследование этих двух писателей «...является серьёзным делом, способным повредить престижу Советского Союза» [1. С. 353]. Как видим, тактика, избранная Гинзбургом, казалась либеральной интеллигенции весьма убедительной: объяснить явный ущерб затеянного процесса для репутации страны стремились и маститые писатели.

Анализ документов первой части позволяет выявить весь спектр аргументов защиты, использованных на этапе следствия. Главный – уголовное преследование писателей наносит удар престижу страны на международной арене. Обращение к нормам советского права также давало основания надеяться на освобождение литераторов, поскольку в законодательстве нет статей, предусматривавших уголовную ответственность за публикацию художественных произведений за границей. Закон не запрещает также использование писателями псевдонимов для творчества. Проза Синявского и Даниэля носит художественный, а не политический характер. Социальная критика направлена не на всю отечественную историю, а на один период – сталинское тридцатилетие и ведётся с партийных позиций. Тексты не имеют целью подрыв государственного строя, а рождены желанием авторов помочь стране преодолеть тягостное историческое наследие. Если же литературные произведения были использованы врагами страны в целях антисоветской пропаганды, то авторы не должны нести за это юридическую ответственность. Общим доводом является также утверждение презумпции невиновности, необходимость применения которой широко обсуждалась в те годы в советской прессе: статьи Ерёмкина и Кедриной называют арестованных виновными до вынесения приговора, что недопустимо по нормам международного права. Доводы казались защитникам писателей вполне весомыми и убедительными. Разоблачить юридическую несостоятельность предъявленных обвинений, как думалось многим, означало победить. Эти аргументы сохраняют свою значимость в ходе суда и будут использованы адвокатами во время процесса.

Количество документов с выражением возмущения советской творческой интеллигенции арестом писателей в книге Гинзбурга велико (десять против пяти, поддерживающих обвинения Ермилова и Кедриной) и позволяет сделать вывод, что на этапе следствия у либеральной общественности сохранялась явная надежда на возможность отмены уголовного преследования. Например, Гинзбург в письме Косыгину высказывал предложение рассмотреть дело не уголовным, а общественным порядком – писательским, партийным или профсоюзным. Знаменитое письмо 63 писателей, написанное уже после суда и высказывающее схожее мнение, как видим, явилось выражением общего мнения либеральной интеллигенции, вызревавшего в ходе всего уголовного разбирательства.

Вторая часть, судебная хроника, в большей степени, чем две другие, может быть названа идейным продолжением текста Вигдоровой. Гинзбург использует те же авторские приёмы: следуя за со-

бытиями, акцентирует моменты процесса, выигрышные для защиты обвиняемых, создаёт завершённую концепцию суда, выявляет его морально-нравственную и правовую несостоятельность, избегая прямых, «любых» оценок. Окончательное суждение читатель должен был сделать самостоятельно, благодаря как бы очевидным фактам «самоговорящей» реальности.

Повествование начинается с указания места действия и времени суда, с перечисления членов суда – это обязательные свойства жанра. В качестве общественного обвинителя выступал член Союза писателей А. Васильев, специализировавшийся на разработке антисталинской тематики. Составитель даёт возможность сравнить фрагменты из рассказов Васильева «Принято единогласно» и Синявского «Суд идёт». Эпизоды совпадают по духу и благодаря использованным поэтическим приёмам. Вывод, к которому подводит Гинзбург: рассказ Синявского не более антисоветский, чем опубликованный в журнале «Москва» (1962 г., № 12) текст Васильева. Оснований для уголовного преследования писателя нет. Эта мысль, не высказанная, но довольно ясно обозначенная, перекликается с заявлением Гинзбурга А. Н. Косыгину. В письме на имя Председателя Совета Министров, помещённом в первой части, автор обращал внимание адресата на юридическую несостоятельность самого понятия «антисоветское произведение»: «Сдвиги произошли после 1964 года. Ранее “антисоветские” произведения становились вполне советскими и достойными печати» [1. С. 85]. Гинзбург убеждал в непродуктивности правового использования термина «антисоветская пропаганда». Той же цели он добивался теперь, предлагая читателям самим судить о наличии антисоветского содержания в текстах обвинителя и обвиняемого.

Как показали документы первой части «Белой книги», линия защиты, как и в случае с Бродским, сводилась к опровержению сути предъявленных обвинений. Однако можно выявить и различия: Бродскому вменялось в вину административное правонарушение – тунеядство, т. е. нарушение норм социалистической морали. Соответственно, в речах общественных обвинителей, защиты и позиции автора нравственно-этическая оценка события доминировала. Уголовная статья определяется при нарушении закона, следовательно, и защита велась с позиции социалистической законности: права граждан на свободу слова, совести и волеизъявления – непреложные права, гарантированные Конституцией. В том же духе характеризовала поведение Синявского Э. Пелетье-Замойская: «Возможность писать без оглядки показала ему, что свобода совести и слова – это не роскошь анархистствующего идеалиста, опасная для всеобщего блага (как его приучили думать раньше), а основная потребность человека и необходимое условие всякого индивидуального и социального прогресса» [1. С. 283].

В речах общественных обвинителей А. Васильева и З. Кедриной, а также государственного обвинителя О. Тёмушкина почти дословно повторялся набор ярлыков, взятых из статей «Наследники Смердякова» и «Перевёртыши»: писатели – «двурушники», «люди с двойным дном», «внутренние эмигранты». Их произведения – «явно политические выступления» [1. С. 290]. «Общественная опасность содеянного особенно остро проявляется в наши дни, когда обостряется идеологическая борьба» [1. С. 95]. Не только клишированность сознания обвинителей, но и срежиссированность процесса, предопределённость его результата выявляется составителем с помощью документальной фиксации статей советской прессы и выступлений обвинителей.

Защита на процессе базировалась на мнении литературоведов (Вяч. Иванова, А. Якобсона), опровергавших заключение экспертной комиссии, выявившей антисоветский характер текстов Синявского и Даниэля. Подсудимые и свидетели защиты (И. Голомшток, В. Дувакин и др.) выдвигали ряд аргументов: художественное творчество не является политической деятельностью, оно «регулируется не правовыми нормами, а законами художественного мышления» (Кишилов) [1. С. 165]. Авторы не равны своим героям, приписывать им мысли персонажей – значит совершать «подлог, клевету, очковтирательство», «...потребность творить (и печататься), а не какая-то политическая цель заставила Синявского взяться за перо» (Голомшток) [1. С. 159]. Адвокаты использовали результаты экспертизы: из 9 произведений, переданных Синявским для публикации за границу, антисоветскими были признаны 3. Даниэлю инкриминируется 4 текста, и только 1 из них имеет антисоветское содержание. Кроме того, адвокаты настаивали на отсутствии злого умысла в действиях их подопечных: «Чтобы признать человека виновным по ст. 70 УК, нужно не только доказать антисоветский характер произведений, но и непременно доказать наличие умысла подрыва или ослабления советской власти. А такой умысел, – утверждал Коган, адвокат Синявского, – не был доказан в ходе судебного заседания» [1. С. 298].

Гинзбург, в отличие от Вигдоровой, достаточно активен в комментариях к происходящему. Роль фиксатора событий не мешает ему сопровождать выступления участников процесса собственными разъяснениями. Например, составитель высказывает сожаления о том, что обвиняемые не отве-

чали на вопросы обвинения письменно. Это могло бы уберечь их от излишней «разговорчивости»: называя в ходе допросов имена друзей, знакомых с их творчеством и не информировавших органы, ответчики могут им навредить. Комментарий необходим для разъяснения читателям психологического состояния подсудимых, так как их поведение может быть неверно истолковано как слабость или предательство. Составитель моделирует восприятие своего текста: предваряет выступления свидетелей биографическими справками, фиксирует их манеру отвечать на вопросы. Например, допрос Хазанова сопровождается ремарками «говорит что-то невразумительное», «подходит, еле живой, к судье», «что-то бормочет». Из этих комментариев складывается психологический портрет человека, запуганного, эмоционально и психологически неустойчивого. Информация о некоторых свидетелях носит разоблачительный характер. Сообщается, что Хазанов написал на Синявского донос в КГБ, а С. Хмельницкий в 1949 году явился виновником ареста своих друзей. Эти сведения определяют характер восприятия их показаний на суде. Гинзбург убеждён, что читатель должен знать не только героев, но и антигероев неконформистского движения. Скрывать подобную информацию от общественности преступно. Уже в середине 1980-х, после эмиграции в Израиль, А. Воронель опубликует в редактируемом им журнале «22» (№ 48) исповедь Хмельницкого, где тот подробно расскажет, как и когда был завербован КГБ. В 1967 году этот факт не был известен, но личность свидетеля благодаря информации о его прошлом получила однозначную характеристику.

Кульминация второй части – «Последнее слово» подсудимых. Литераторы вновь, как и в течение всего процесса, подтвердили чёткость своей писательской и гражданской позиции. Они отвергли все обвинения в антисоветском характере собственных сочинений. Они не оправдываются, не просят о смягчении приговора, а отстаивают право художника на свободное от идеологических препон творчество. По обоюдному убеждению Синявского и Даниэля, суд не преследовал цели добраться до истины. Писатели продолжали настаивать на эстетическом, отнюдь не политическом прочтении своих текстов как единственно верном: «Художественный образ условен, – говорил Синявский, – автор не идентичен герою» [1. С. 302]. Идею автора нельзя подменять своим толкованием, добавлял Даниэль и выражал единственное сожаление – о том, что публикация его текстов за границей принесла вред родине (от этого заявления писатель отказался в Открытом письме в «Известия», отправленном из лагеря).

Используя «Последнее слово» как возможность продемонстрировать свои мировоззренческие и творческие принципы, литераторы зафиксировали в сознании либеральной интеллигенции модель поведения, избранную впоследствии на судах диссидентами: не обороняться, а нападать. Осознавая predeterminedность приговора и нежелание суда слышать твои доводы, всё же излагать свою гражданскую и личностную позицию в расчёте на возможный отклик в сердцах и умах современников.

Запись процесса по дням перебивается документами, представляющими кампанию в СМИ. Это позволяет оценить масштабы работы по дискредитации писателей, подтверждает неоднократно звучавший в «Белой книге» тезис о неразрывной связи процессов сталинской поры и нынешнего. Методы обработки сознания общественности остались те же – идеологические заклинания вместо рационального осмысления происходящего. Гинзбург представляет цикл статей из зала суда с характерными названиями: «Изобличение», «Пора отвечать» (Ю. Феофанов «Известия»), «Удел клеветников» (Б. Крымов «Литературная газета»), «Факты обличают», «Именем живых и погибших» (И. Конетко «Советская Россия»), «Поставщики антисоветской кухни» (корр. ТАСС), «Люди с “двойным дном”» (А. Набоков «Вечерняя Москва»). Различные журналисты из разных СМИ зачастую почти дословно цитируют друг друга, не затрудняясь оригинальностью или новизной оценок. Их суждения целиком определены мнением, неоднократно звучавшим на страницах их же изданий и оглашённым на суде общественным и государственным обвинителями. К ним семантически примыкают «письма трудящихся в газету» – неперенное дополнение ко всем пропагандистским кампаниям по борьбе с «внутренним врагом». Поскольку обвиняемые – люди творческой профессии, в данном случае письма с осуждением писателей должны были исходить от интеллигенции. Что и было сделано: сборник содержит обвинительные послания от народной артистки СССР Е. Гоголевой, профессоров и преподавателей филологического факультета МГУ, где трудился один из «фигурантов», информацию об исключении Синявского из Союза писателей. В третью часть включены письма писателей Узбекистана, творческих деятелей из Воронежа и другие, поддерживающие приговор. «Все говорят о деле Синявского, во всех лит.учреждениях выносят ему порицания по воле начальства, хотя никто из осуждающих не видел его крамольных произведений», – записал в дневнике в эти дни К. Чуковский [7. С. 457]. Эффект полной психологической изоляции подсудимых усиливает отсутствие «защит-

ных» документов, исходящих в дни процесса от коллег по литературному цеху. Сборник содержит лишь две статьи зарубежных авторов: Э. Пелетье-Замойской («Монд») и американского журналиста, известного критическими работами о правительстве своей страны А. Бухвальда. Это создаёт впечатление выжидательной позиции, занятой либеральной интеллигенцией во время суда.

Трактовка процесса Гинзбургом выдержана в том же духе, что и в тексте Вигдоровой. Суд – театр абсурда, где не вершится социальная справедливость, облечённая в закон, а происходит новое травмирование общества, юридически бессодержательное, обусловленное идеологическим «заказом». Судьи, сторона обвинения являют не правовой, а идеологический подход к делу. В результате правовыми средствами закрепляется травма сталинизма.

Приговор – за три антисоветских рассказа Синявскому 7 лет лагерей, а за одно произведение Даниэлю 5 лет лагерей – потряс общественность своей неадекватной суровостью. Чрезмерность была столь очевидна, что потребовала от властей новой волны пропагандистской риторики, заимствованной из лексикона времён гражданской войны. Ситуация вокруг приговора усугублялась начавшимся через месяц XXIII съездом партии. Обязательный в таких случаях тезис о преемственности революционных традиций повлёк за собой новый всплеск разглагольствований о решительном отпоре «наимитам империализма», подстроившим очередную идеологическую диверсию. Славное революционное прошлое требовало от современников доказательств их классового чутья. Упоминание в речи Шолохова на съезде революционного правосознания первых лет революции, в духе которого надо было покарать Синявского и Даниэля, соответствовало стратегии власти: утвердить в общественном сознании трактовку суда и его итог как исторически значимое деяние, подтверждающее связь эпох, прежнюю нетерпимость к скрытой контрреволюции.

Съезд был использован и защитниками фигурантов, поскольку казался прекрасной возможностью обратиться напрямую к высшему руководству страны, минуя множество низших инстанций. Кроме того, торжественно-праздничная атмосфера, обычно создаваемая в обществе в дни крупных политических мероприятий, могла поспособствовать благополучному исходу акций. Показательно, что либеральная интеллигенция действовала в соответствии с тактикой, найденной в ходе «дела Бродского»: именно его литераторы, по предложению и.о. Генерального прокурора СССР М. П. Малярова, пытались «взять на поруки». «Поручительство» было подписано тогда 13-тью именами. Теперь с подобным предложением в адрес Президиума съезда и Президиумов Верховных Советов СССР и РСФСР выступило 62 писателя, некоторые из них были ходатаями и в первом случае (К. Чуковский, Л. Чуковская). Однако, как справедливо отмечал Гинзбург в «Белой книге», этот поступок вызывал уважение, но был бесполезен с прагматической точки зрения: ст. 52 УК РСФСР предусматривает возможность «передать на поруки» лишь признавших свою вину и раскаявшихся преступников. Ни Синявский, ни Даниэль этого не сделали. Инициатива литераторов оказалась безрезультатной.

Свидетели защиты подверглись различного рода репрессиям: Голомшток был приговорён судом к административному наказанию в течение полугода, Гарбузенко несколько месяцев не мог устроиться на работу, доцент филфака МГУ Дувакин уволен (по этому поводу 18 преподавателей и 100 научных работников подали протест в Президиум съезда партии), Есенин-Вольпин дал объяснения в КГБ. Рассказ о судьбе свидетелей защиты после процесса выявляет методы устрашения, широко применяемые властью по отношению к инакомыслящим.

Репрессии, обрушившиеся на либеральную интеллигенцию, вызывали потребность найти более действенный способ борьбы за отмену несправедливого и жестокого приговора. На карту была поставлена, как казалось многим, уже не судьба двух литераторов, невинно осуждённых, а будущность страны, неуклонно сползавшей в новые и бессмысленные репрессии. Неизжитая коллективная травма сталинизма требовала от либеральной интеллигенции действенного метода противодействия террору.

Этим орудием сопротивления духовному, а теперь уже и физическому давлению казалось обращение к мировому сообществу. В 3-ей части книги Гинзбург публикует 12 протестных писем, заявлений и статей, из них 8 принадлежат иностранным корреспондентам. Как видим, составитель продолжает убеждать власть в необходимости учитывать международный резонанс процесса и отменить приговор. Об этом намерении ясно сказано в предисловиях к сборнику. В первом, «От издательства», читаем: «Процесс этот ясно выразил стремление советского руководства вернуться на старую сталинскую тропу. Лучшие представители нашей интеллигенции не могут и не хотят снова стать покорными рабами тупого тоталитарного режима. Отсюда их борьба за отмену приговора Синявскому и Даниэлю» [1. С. 3]. В предисловии «От составителя» сказано: «... пусть не смолкнет и не ослабнет

голос общественного мнения до тех пор, пока не вернутся к нам те, кто думал о судьбе своей страны больше, чем о своей»[1. С. 5].

Однако власть всё отчётливее занимала консервативную позицию, не желая слышать голоса неконформистов, провоцировала дальнейшее более яростное сопротивление. Процесс по «делу четырёх» – (А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, В. Лашковой, А. Добровольского) – завершил тенденцию по размежеванию общества, отмеченную составителем «Белой книги». Отныне наиболее радикальная часть шестидесятников, составившая диссидентское движение, не помышляла о возможности конструктивного диалога с властью. Суд над писателями запустил механизм «цепной реакции», определил политические стратегии власти и неконформистов: она будет запугивать и давить – они станут на каждое действие отвечать ещё более широкомасштабными контрдействиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белая книга по делу Синявского и Даниэля / сост. А. Гинзбург. Москва, 1966. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967. 430 с.
2. Воронель Н. Без прикрас. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 432 с.
3. Козлов Д. Наследие оттепели: к вопросу об отношениях советской литературы и общества второй половины 1960-х годов // Новое литературное обозрение. 2014. № 1. С. 183-204.
4. Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве: 1956-1980. М.: Книга, 1990. 447 с.
5. Твардовский А. Новомировский дневник: в 2 т. Т. 1: 1961-1966. М.: ПРОЗАиК, 2009. 656 с.
6. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. Т. 3: 1963-1966. М.: Время, 2013. 608 с.

Поступила в редакцию 20.08.15

E. G. Serebryakova

THE STRATEGY OF POWER AND A. GINZBURG IN «THE CASE OF SINYAVSKY AND DANIEL»

The author analyzes the power's and Ginzburg's strategy in «The White Paper on the Case of Sinyavsky and Daniel». The main aim is to identify the specifics of the Soviet non-conformist consciousness and to evaluate the forming mechanism of dissidents' behavior. The researcher shows the link of Ginzburg's book with the record of Brodsky's trial compiled by Frida Vigdorova. The author investigates the genre bases of Ginzburg's book, reveals the dynamics of the writer's strategy and makes a conclusion: Ginzburg's work was caused by the need to protect Sinyavsky and Daniel from the prosecution. The author was changing his strategy while writing the book. In the first part of the book Ginzburg focuses on the thought about the negative international impact of the court. In the last part he asserts the need to revise the outcome of the trial. «The White Paper on the Case of Sinyavsky and Daniel» made a significant contribution into the formation of Soviet dissident movement.

Keywords: dissident movement, non-conformists, strategy of power.

Серебрякова Елена Геннадьевна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры культурологии

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Serebryakova E.G.,
Candidate of Philology, Associate Professor
at Department of cultural studies

Voronezh State University
394006, Russia, Voronezh, Universitetskaya sq., 1
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru